

Титаренко И.Н. Гражданственность и идеальный гражданин в учении Цицерона // Научная мысль Кавказа. 2009. №1. С. 26-33.

ББК ЮЗ (60) 321

ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ И ИДЕАЛЬНЫЙ ГРАЖДАНИН В УЧЕНИИ ЦИЦЕРОНА

Титаренко И.Н.

Наши представления о том, каким должен быть идеальный гражданин, весьма и весьма расплывчаты. Вряд ли найдутся даже два человека, у которых понятия об этом идеале совпали бы полностью и по всем статьям...

Герберт Уэллс. Идеальный гражданин [1]

-[26]-

Одной из важнейших характеристик подлинно философских проблем является постоянство. И в этой характеристике – их отличие от частнонаучных вопросов. Современные математики более не рассуждают о том, возможно ли построить правильный семнадцатиугольник с помощью циркуля и линейки, ведь эта возможность уже доказана Гауссом. Нынешних физиков вовсе не интересуют оптические задачи времен Рене Декарта, поскольку они успешно разрешены. Безусловно, в частных науках периодически возникают вопросы, которые не находят ответа в течение

-[27]-

длительного времени. Например, великая теорема Пьера Ферма, сформулированная в XVII веке, была доказана только в конце XX века. Однако

такая длительность существования поисковых задач в частных науках является скорее исключением из правил. Совершенно иное дело – проблемы философские, сохраняющие свою значимость для различных эпох. «Путь мысли не может быть пройден единожды и в одном направлении – снизу вверх или сверху вниз – если бы это было так, истины философии давно бы уже все были открыты и преподавались бы в начальной школе наряду с таблицей умножения и элементарной геометрией Эвклида. Как человек, так и человечество обязаны пройти этот путь не раз, отправляясь от разных пунктов и возвращаясь с достигнутых позиций на исходные» [2]. Истинно философские проблемы вечны, и сегодня, равно как и тысячу лет назад, мыслители будут биться над поиском смысла жизни или сущностью человеческой природы.

Вместе с тем, осознавая вечность философских проблем, не следует думать, что они принципиально неразрешимы: «в каждую эпоху постановка этих проблем означает не просто продолжение традиции, но и выявление новой перспективы» [3]. На очередном историческом этапе новый великий ум предлагает их своеобразное решение, основанное на современном ему уровне развития общества, связанное с особенностями культурного процесса и имеющимся багажом научных знаний. Именно поэтому философию нередко называют «рационализированным мировоззрением своей эпохи» [4]. Её темы получают новую трактовку сообразно времени.

К извечно актуальным темам философии можно без лишних колебаний отнести и проблему человека как гражданина. От античности до наших дней вопросы гражданственности и воспитания достойных граждан не утрачивают своей значимости. Меняются эпохи и культурные традиции, длинной чередой уходят в прошлое правители и целые страны, но тема эта остается актуальной. Более того, в сложные периоды развития тех или иных государств, во времена, с неизбежностью требующие консолидации усилий сограждан и высокой ответственности за судьбу отечества, тема гражданственности начинает играть особую роль. Так была она актуальна для Древнего Рима, терзаемого гражданскими войнами, для революционной Франции или для нашей страны в

периоды борьбы с иноземными захватчиками. Не менее актуальна она и для России современной.

Сегодня в отечественной научной литературе немало говорится о воспитании достойных граждан. Проблема эта осознана в качестве важнейшей на государственном уровне. Достаточно вспомнить о существовании федеральной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.» [5], чтобы понять значимость этой проблематики для нынешней России. Вот и Президент РФ Д. Медведев в своем первом Послании Федеральному Собранию, говоря о формировании чувства гражданственности, вспомнил известные слова Петра Столыпина: «Прежде всего надлежит создать гражданина... и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот» [6].

Бесспорно, проблема воспитания гражданина выдвигается на уровень приоритетных направлений современной российской государственной политики. Совершенно ясно также и то, что решить её невозможно без четкого понимания, каким должен быть идеальный гражданин и в чем выражается гражданственность. Казалось бы, ответ на эти вопросы не представляет особых затруднений, учитывая, что тема разрабатывается философской, политической и юридической мыслью не одну сотню лет. Однако в том и состоит специфика «вечных» проблем, что каждое поколение должно найти их собственные решения сообразно эпохе, культуре, социально-политической ситуации. Современная Россия пока еще ищет свои ответы на вопрос о гражданине. Не случайно многие современные исследователи указывают на необходимость в первую очередь определять смысл самих понятий «гражданственность», «гражданин», «гражданское образование» [7].

И здесь вполне уместно обратиться к тому наследию, которое оставлено нам великими умами прошедших эпох. Ведь, несмотря на то, что прогресс в философии далеко не так очевиден, как прогресс, например, в естественных науках, он закономерно реализуется в развитии учений различных школ и

отдельных философов, в выявлении продуктивных путей и тупиковых решений. Общность переживаемых ситуаций сближает мыслителей, несмотря на то, что они жили и творили в

-[28]-

разные периоды мировой истории. «В каком-то смысле она, эта общность, превращает их в «вечных современников» и делает возможным удивительное временное отношение, когда представители более ранней (а потому, естественно, и более наивной) эпохи общественного развития просвещают позднейшего исторического деятеля» [8]. В числе таких «ранних эпох», наиболее плодотворно просвещающих эпохи позднейшие, – античность, определившая на многие столетия направления и пути развития как европейской философской мысли, так и европейской культуры в целом.

Для античной философии свойственна богатая традиция рассмотрения социально-политических вопросов. Но уж если говорить о древних мыслителях гражданского толка, то одним из первых следует вспомнить Цицерона, не устававшего проповедовать идеи о наилучшем гражданине (*de optimo cive*). Этот философ и политический деятель в каждом из тех многообразных видов деятельности, которыми он занимался, оставался человеком римского государства и римской культуры. В его творчестве в полной мере нашли отражение особенности мировоззрения древних римлян. Одна из таких особенностей – постоянное стремление согласовать личное, индивидуальное с общественным, государственным.

В Римской республике граждане воспитывались в почтении к общественным и государственным институтам, каждый отдельный гражданин подчинялся роду, а род – государству. Правоспособность свободнорожденного римского гражданина составляли в первую очередь политические права – право нести службу в регулярных римских войсках, право участвовать и голосовать в народном собрании (*ius suffragii*), право быть избираемым в магистраты (*ius honorum*). Эти принципы получили выражение и в том, что у римлян главным

считалось родовое имя, а личные имена были крайне просты и редко упоминались. Право гражданина участвовать в народном собрании, равно как и его принадлежность роду, отражалось в структуре имени. В конце периода республики (II – I вв. до н.э.) полное имя свободного римлянина состояло из пяти частей: а) имени в собственном смысле (*praenomen*); б) наименования семьи или рода, к которому принадлежало данное лицо (*nomen*); в) указания имени отца в родительном падеже (подобное русскому отчеству: сын такого-то); г) наименования трибы (*triba*), в составе которой носитель имени голосовал в народном собрании (это указание на трибу сохранялось даже в период империи, когда народные собрания фактически перестали созываться вообще); д) прозвища (*cognomen*). Так, например, полное имя Цицерона выглядело следующим образом: *Marcus (praenomen) Tullius (nomen) M[arci] f[ilius] Cornelianus (triba) Cicero (cognomen)*.

Как считалось во времена республики, жизнь, успех, удача каждого гражданина обеспечивались государством и его законами, соответственно, не было долга более универсального и важного, чем долг гражданина перед государством, не было общественной ценности более весомой, чем гражданская доблесть (*virtus*). В результате этого, на первое место римлянин ставил обязанности перед отечеством, после них – обязанности перед родными, а затем уже – собственное благо. Эта иерархия остается без изменений и у Цицерона [9]. Следуя данной системе ценностей, римляне направляли свои усилия на службу государству, поскольку «главным отличием человека выдающегося является именно такая доблесть, какая другим благотворна» [10]. При этом гражданская честь вовсе не была для них лишь абстрактным понятием, а выступала составной частью социального статуса человека: римское право регламентировало случаи умаления гражданской чести, влекущие за собой существенные ограничения правоспособности. К бесчестию относились удаление из состава легионов за недостойное поведение, двойное обручение, отказ лица, выступавшего свидетелем или весовщиком в гражданской сделке, подтвердить ее совершение, доказанное обвинение в недобросовестности в рамках судебного процесса и др.

Умаление гражданской чести (*intestabilitas, infamia, turpitude*) влекло за собой весьма ощутимые последствия, поскольку римские магистраты не допускали к осуществлению различных публичных функций лиц с сомнительной гражданской репутацией. Консул при выборах в магистраты мог отказать в выставлении кандидатуры лицу, совершившему бесчестный поступок, а претор мог не допустить такое лицо к выступлению в судебном процессе. Ради общего блага граждане республики часто отказывались от блага личного, активное же участие в делах государства было естественной нормой жизни, а лучшей наградой за заслуги перед

-[29]-

отечеством считалась высшая военная власть полководца (*imperium*).

Вряд ли, конечно, стоит идеализировать ситуацию и утверждать вслед за римскими историками, что в римской республике «и в мирную, и в военную пору процветали добрые нравы. Единодушие было постоянным, своекорыстие – до крайности редким. Право и благо чтили, повинуюсь скорее природе, нежели законам. Брань, раздоры, ненависть берегли для врагов, друг с другом состязались только в доблести» [11]. Человек Древнего Рима как периода республики, так и периода империи, был включен в две системы общественных связей – в систему государства и в систему микрообщностей (семьи, дружеского кружка, партии, коллегии). Системы взаимодействовали и пересекались между собой, приводя к тому, что государственная жизнь никогда не существовала в отрыве от повседневной жизни человека, а социально-политическое действие могло быть успешным только в том случае, если оно опиралось на выгоду семьи, партии, коллегии. Вследствие этого, гражданская доблесть (*virtus*) древних римлян предполагала обязательства не только перед государством, но и перед конкретными лицами (друзьями, родственниками, патронами), а общее благо не исключало успеха и выгоды отдельного гражданина. Древние римляне легко ориентировались в этой сложной системе отношений и нравственных ценностей, совмещая, казалось бы, противоречивые требования повседневного

естественного бытия. Общепринятая нравственная норма гласила, что стремиться к обогащению недостойно сенатора, следствием чего становились периодически принимавшиеся законы против роскоши, но, вместе с этим, имущественный ценз для данного сословия составлял миллион сестерциев, и желающий оставаться в нем не мог не стремиться к одновременному сохранению и преумножению состояния. Прославленный моралист Катон Младший, призывавший к довольству малым и посвятивший свою жизнь интересам государства, развелся с женой, уступив ее пожилому богатею, а когда тот умер, завещав ей все состояние, снова женился на ней. Сенека, сторонник стоической морали и жизни в согласии с природой, был крупным ростовщиком и владельцем роскошных вилл. И тем не менее, даже когда государство переросло в империю, все более отдаляющуюся от человека, постепенно разрушающую «основанный на личных связях и обязательствах, на непосредственной выгоде каждого строй существования» [12], нравственная ответственность перед государством и обществом продолжала считаться выше любого эгоистического интереса, а человек рассматривался существом политическим, живущим в сообществе.

Такое понимание человеческой природы свойственно и Цицерону, доказывавшему, что «природа силой разума сближает человека с человеком, имея в виду их общую речь и совместную жизнь, и, прежде всего, внушает, так сказать, особенную любовь к потомству, заставляет его желать, чтобы существовали объединения и скопления людей, в них участвовать...» [9, I, 12]. Человек как существо общественное имеет необходимым условием своей жизни социальную коммуникацию, взаимодействие с другими индивидами. Эту идею можно считать одной из основных для всей философии Цицерона, уделившего внимание рассмотрению социальной компоненты человеческой природы в трактатах «О государстве», «Об обязанностях», «О пределах блага и зла». В силу этого у Цицерона идеалы человека и гражданина республики сливаются. Человек выступает как деятельный участник событий, ответственный за судьбы других

людей и судьбу отечества. Доблестный гражданин – непременно настоящий человек, а настоящий человек – всегда доблестный гражданин.

Гражданин – человек деятельный: «...мы рождены для деятельности. Существует множество родов деятельности, при этом менее важные оказываются в тени более важных. Самыми важными... являются, во-первых, изучение и познание небесных явлений и тех скрытых природой и потаенных вещей, которые может исследовать разум; во-вторых, управление государствами и наука управления, а также проявления мудрого, сдержанного, мужественного, справедливого разума и прочие действия, согласующиеся с добродетелями, – одним словом, то, что мы называем достойным (*honestum*)» [13]. Таким образом, Цицерон расширяет сферу практической деятельности за счет деятельности духовной [14], а активную жизнь противопоставляет праздному досугу и наслаждению: «Я утверждаю, что природой дана человеческому роду такая потребность добродетели и такое стремление защищать общественное благо, что эта сила победила все приманки наслаждения и

-[30]-

досуга» [15]. Для добродетельного человека приемлем лишь активный досуг, когда душа занимается познанием, не нарушая долга, не забывая об общественной пользе, об исполнении дел [16].

Введение понятия достойного досуга и его противопоставление досугу праздному позволяли Цицерону обосновать возможность заниматься философией и науками, оставаясь гражданином и исполняя все положенные гражданину обязанности. «Ведь что может быть более славным, чем то, когда занятие великими делами и опыт соединяются с изучением и познанием этих наук» [15, III, 3, 5]. Требование Цицерона сочетать созерцание и практику вытекает из его представления о мышлении и деятельности как о естественных, природных стремлениях человека: ни созерцательная деятельность философа, ни практическая деятельность политика в отрыве друг от друга не отражают всей многогранной сущности человека и гражданина.

Деятельность доблестного гражданина Рима непременно должна быть определена гуманностью (*humanitas*). Цицерон впервые вводит в философский оборот это понятие, ставшее важнейшим в его практически ориентированной философии. Среди его значений – человечность, человеколюбие, дружелюбие. Изначально представления о гуманности стали складываться в кружке Сципиона, где они носили преимущественно аристократический характер: гуманность как образованность, воспитанность, как особого рода направление мысли и образ жизни рассматривалась там в качестве принадлежности элиты римского общества, но не простолюдинов и рабов [17]. Тем не менее, уже в кружке Сципиона стал формироваться тот круг ценностей, который потом выразил Цицерон: гуманность как развитие творческих и нравственных задатков человека, как общая цивилизованность. При этом следует отметить, что понятие гуманности не только не было развито в греческой философии, но и в самом древнегреческом языке чрезвычайно трудно найти ему полный аналог, что позволяет говорить о собственно римских истоках этого понятия [18].

Цицерон, расширяя понятие гуманности, значительно выходит за рамки его аристократической трактовки. Это уже не только и не столько образованность, воспитанность, цивилизованность, но развитие собственно социальной природы человека. В этом смысле в ряде случаев *humanitas* аналогична развитой человеческой природе (*natura humana*) [15, I, 17, 28]. Не случайно, говоря о доблестном гражданине Рима, Цицерон повторяет, что все высокие нравственные качества, имеющие значение для государственной жизни – благородство, желание служить ближнему, долг, любовь к отечеству – «рождаются от того, что мы, по природе своей, склонны любить людей» [19].

Деятельный и гуманный гражданин Цицерона включен в общественную жизнь, призван исполнять обязанности перед другими людьми, обществом и государством, реализуя тем самым свою человеческую сущность и проявляя добродетель. Добродетель (*honestum*) - это нравственно должное, это то, что необходимо делать доблестному мужу и гражданину Рима (*vir bonus* и *vir Romanus*). По мнению Цицерона, добродетель становится практической,

воплощаемой и применяемой в повседневной жизни только тогда, когда появляется регулятивный принцип – императив, обеспечивающий следование добродетели как цели, определяющий надлежащие поступки человека. Термин «надлежащее» Цицерон передает словом «officium» («обязанность» или «долг»), придавая ему гораздо более практический характер, чем это было в Древней Греции. Доблестный гражданин обязан определять свою деятельность четырьмя важнейшими добродетелями – познанием истины, справедливостью и связанной с ней щедростью как двуединой добродетелью, величием духа, умеренностью: «Все то, что прекрасно в нравственном отношении, происходит от одной из четырех основ; оно состоит либо в способности и искусстве видеть истину, либо в защите человеческого общества, в воздаянии каждому по его заслугам и в верности взятым на себя обязательствам, либо в величии и силе возвышенного и непобедимого духа, либо в порядке и мере, относящихся ко всему тому, что совершается и говорится; на этом зиждутся умеренность и воздержанность» [9, I, 5]. Из этих добродетелей, трактуемых в духе стоической философии и римского менталитета, проистекают все конкретные обязанности гражданина. Говорит ли Цицерон об обязанности справедливого ведения войны или щедрости, о презрении к смерти или упорстве в достижении цели, он всегда, как справедливо замечал С.Л. Утченко, требует от человека «активного содействия благу всего

-[31]-

государства своей деятельностью и своим имуществом» [20]. Это требование, с точки зрения Цицерона, определено социальной природой человека. Поскольку «люди рождены ради людей», постольку граждане «должны служить общим интересам, обмениваясь услугами, давая и получая, и знаниями своими, трудом и способностями накрепко связывать человеческое общество» [9, I, 22]. Как результат, любое действие государственного мужа, будь то стремление к воинской славе или жажда победы над врагом, должно быть обусловлено общим благом и добродетелью: «Но если этот душевный подъем, который бывает виден в опасностях и трудах, – чужд справедливости и борется не за всеобщее

благополучие, а ради своей выгоды, то он порочен; ибо здесь не только нет места для доблести, но скорее оно есть для дикости, отвергающей какую бы то ни было человечность» [9, I, 62].

Общее благо выступает тем началом, которое объединяет и согласует интересы граждан из разных сословий и на которое опирается безопасность в Риме: «...государство, с чувством меры составленное путем сочетания высших, низших и средних сословий (словно составленное из звуков), стройно звучит благодаря согласованию [самых несходных начал...]» [15, II, 69]. Через всю жизнь Цицерон пронес своё политическое кредо – «согласие сословий (*concordia ordinum, consensus bonorum omnium*)». Мысль о согласовании интересов всех граждан во имя общего блага пройдет через все его творчество – от «Первой речи против Луция Сергия Катилины» до «Филиппик»: «...пусть удалятся бесчестные; пусть они отделятся от честных, соберутся в одно место; наконец, пусть их, как я уже не раз говорил, от нас отделит городская стена... пусть, наконец, на лице у каждого будет написано, что он думает о положении государства» [21]. В этом Цицерон видел общее благо и одновременно – долг государственных деятелей. В этом – высший смысл гражданственности.

Примечательно, что когда Цицерон говорит о государственном деятеле и даже о руководителе государства, он вовсе не подразумевает исключительно лиц, наделенных магистратскими полномочиями, то есть тех, кого бы мы сегодня назвали политическими деятелями в собственном смысле слова. Он имеет в виду всех достойных граждан, от которых государство в любой момент может потребовать взять в руки оружие или стать у руля государственной машины. Древние римляне часто сталкивались с ситуациями, когда государственные органы – сенат или магистратуры – дискредитировали себя. Как указывал С.Л. Утченко, «если складывается такое положение, что государственные институты, например, тот же сенат, оказываются не на высоте, то руководство государственными делами может взять в свои руки *civis optimus* (т.е. частный гражданин, а не должностное лицо), который выступает в качестве охранителя государства, в качестве его руководителя и правителя (*rector et*

gubernator civitatis)» [22]. Когда речь идет о защите общего блага, свободы и справедливости, нет и не может быть деления на лиц публичных, призванных отстаивать интересы сообщества, и лиц частных, к этим интересам непричастных. «Хотя Брут был частным человеком, он взял на себя все государственные дела и, первый в нашем государстве, доказал, что при защите свободы граждан нет частных лиц» [15, II, 46]. Авторитет и влияние частного гражданина вполне способны в кризисных ситуациях заменить официальные государственные полномочия.

Время Цицерона и было таким сложным кризисным временем. Сам философ писал об этом: «Мне горько, что на дорогу жизни вышел я слишком поздно и что ночь республики наступила прежде, чем успел я завершить свой путь» [23]. Цицерон видит свою задачу в защите сенатской республики, возводя её до уровня идеальной формы правления и связывая с ней само понятие о римском государстве. Он был абсолютно уверен, что «ни в одном деле доблесть человека не приближается к могуществу богов более, чем это происходит при основании новых государств и при сохранении уже основанных» [15, I, 12]. Сохранять своё государство – задача и обязанность достойных граждан Рима. И сколько бы ни говорили римские историки о порче нравов [24], сам Цицерон верит, что в кризисные моменты всегда найдутся граждане, которые способны вывести страну из несчастий, которые будут «видеть пути и повороты в делах государства, дабы, зная, куда приведет то или иное из них, быть в состоянии задержать его ход и даже воспрепятствовать ему» [15, II, 45]. Следуя древней традиции, Цицерон повторяет, что Рим силен старинными нравами (*mores*) и мужами (*virī*). И стоит лишь немного «подправить» нравы современные (воспитать благоразумие, мужество, умеренность, благочестие, справедливость),

-[32]-

чтобы получить достойных граждан. Все это позволяет говорить, что Цицерон не расценивал в качестве всеобщей «ту порчу нравов, которую рисует Саллюстий и при которой не остается уже ничего светлого, что могло бы спасти государство

от окончательной гибели» [22, с. 311]. Нужно заняться общественным воспитанием римлян, прививая им способность к самопожертвованию и служению общему благу, высокую гуманность и милосердие, мужество и благоразумие. Необходимо сделать из них доблестных граждан. Это занятие не бессмысленное и не безнадежное, следует только хорошо понимать, каков он – идеальный гражданин. Наверное, одной из основных заслуг Цицерона как раз и следует считать создание «образа убежденного, готового на жертву и служение, истинно общественно-воспитанного и гуманного человека, в котором римляне его времени узнавали свое будущее лучшее “я”» [25].

В образе идеального гражданина, созданном Цицероном, соединились черты и качества человека, определяющие гражданское служение и верность отечеству. Этот цicerоновский идеал периодически находит свое воплощение в подвигах реальных исторических личностей, в деятельности великих политиков, в героических поступках людей, заботящихся об общем благе. Но и сегодня доблестный гражданин, отвечающий требованиям Цицерона, – явление скорее исключительное, нежели типичное. Сумей мы «поставить на поток» воспитание достойных граждан – и за судьбу страны можно быть спокойным. Пока же нужно уточнять понятие гражданственности применительно к современной эпохе, вырабатывать представления о современном идеальном гражданине, которые сегодня ничуть не менее расплывчаты, чем во времена Герберта Уэллса. И здесь как нельзя кстати окажутся идеи Цицерона, который в своём учении сумел достичь «формы гуманизма, непревзойденной в языческом мире» [26]. Его доблестный гражданин, вероятно, еще долго будет оставаться образом, достойным подражания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уэллс Г. Собр. соч.: в 15 тт. Т. 14. М.: Правда, 1964. 464 с. С. 66.
2. Васильева Т.В. Платоновский вопрос сегодня и завтра // Васильева Т.В. Комментарий к курсу истории античной философии. М.: Издатель Савин С.А., 2002. 452 с. С. 444.

3. *Ойзерман Т.И.* К вопросу об истоках и специфике философских проблем // Вопросы философии. 1969. №6. С.125.
4. *Соколов В.В.* Историческое введение в философию: История философии по эпохам и проблемам. М.: Академический проект, 2004. 912 с. С. 7.
5. Постановление Правительства РФ от 11.07.2005г. №422 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 гг.» // Собрание законодательства РФ. 2005. №29. Ст. 3064.
6. *Столыпин П.А.* Мысли о России. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006. 128 с. С. 69.
7. *Полухин О.Н.* Идея, опыт и идеал гражданственности: философский проект. М.: Муниципальный мир, 2003. 363 с. С. 9; *Суколенов И.В.* Теория и практика гражданского образования в общеобразовательных учреждениях России. Автореф. дисс. ... д-ра педагогических наук. М., 2001. 37 с. С. 3 и др.
8. *Соловьев Э.Ю.* Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. М.: Политиздат, 1991. 432 с. С. 4.
9. *Цицерон.* Об обязанностях, I, 57-58 // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1975. 245 с.
10. *Цицерон.* Об ораторе, II, 347 // Цицерон. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. М.: Искусство, 1994. 539 с.
11. *Саллюстий Гай Крисп.* Заговор Катилины, 9 // Саллюстий Гай Крисп. Сочинения. М.: Наука, 1981. 221 с.
12. *Кнабе Г.С.* Цицерон, античная классика и рождение классицизма // Цицерон. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. М.: Искусство, 1994. 539 с. С. 11.
13. *Цицерон.* О пределах блага и зла, V, 21, 58 // Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. М.: Изд-во РГГУ, 2000. 474 с.
14. *Müller R.* Philosophie und Staat (das Problem der Lebensform in Ciceros Staatsschrift und Seneca De otio.) // Studien zur Geschichte und Philosophie des Altertums / Hrg. von J. Harmatta. Budapest: Akad. kiado, 1968. 405 s. S. 129-130.
15. *Цицерон.* О государстве, I, 1 // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. – 323 с.
16. *Цицерон.* Учение академиков, II, 2, 6 // Цицерон. Учение академиков. М.: Наука, 2004. – 408 с.; *Он же.* Об обязанностях, I, 6, 19 // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1975. 245 с. и др.

17. *Büchner K.* Humanitas Romana: Studien über Werke und Wesen der Römer. Heidelberg, 1957. S. 63; *Reitzenstein R.* Werden und Wesen der Humanität in Altertum. Strassburg, 1907. S. 16-17; *Ruch M.* Le préambule dans les oeuvres philosophiques de Cicéron. P., 1958. P. 413.
18. *Reitzenstein R.* Werden und Wesen der Humanität in Altertum. Strassburg, 1907. S. 4, 6-7.
19. *Цицерон.* О законах, I, 43 // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. 323 с.
20. *Утченко С.Л.* Трактат Цицерона «Об обязанностях» и образ идеального гражданина // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1975. 245 с. С. 170.
21. *Цицерон.* Первая речь против Луция Сергия Катилины, 32 // Цицерон. Речи. В 2 тт. Т.1. М.: Наука, 1993. 441 с.

-[33]-

22. *Утченко С.Л.* Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969. 323 с. С. 310-311.
23. *Цицерон.* Брут, или О знаменитых ораторах, 330 // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. 472 с.
24. *Тит Ливий.* История Рима от основания города, 39, 6, 7 // Тит Ливий. История Рима от основания города: В 3 т. Т. 1. М.: Наука, 1989. 576 с.; *Саллюстий Гай Крисп.* Заговор Катилины, 10 // Саллюстий Гай Крисп. Сочинения. М.: Наука, 1981. 221 с. и др.
25. *Büchner K.* Cicero: Bestand und Wandel seiner geistigen Welt. Heidelberg, 1964. S. 238.
26. *Hunt H.* The Humanism of Cicero. Melbourne, 1954. P. VII; 205.